

В тихой уединенной долине лишь радостное щебетание птиц добавляло немного жизни этим древним горам.

Раздался резкий свист, и свирепая ци меча рассекла пустоту, нарушив горное безмолвие.

Из поверхности озера взметнулись два огромных водяных столба, заставив стоявших позади зрителей ахнуть от изумления. Спустя мгновение всё вернулось к прежнему покою. Лишь расходящиеся круги по воде да всплывающие кверху животом рыбы напоминали о том, что всё случившееся не было иллюзией.

Господин Ли поистине обладает милосердным сердцем бодхисаттвы! Ради нашего пропитания он не пожалел драгоценной внутренней силы, чтобы наловить рыбы!

Как силен господин Ли! Насколько же точно он контролирует свою силу! Не зря он первый гений нашего государства Хуа!

Господин Ли! А-а-а-а!

.....

Ли Циньши плавно закрутил мечом замысловатый узор и закинул клинок за спину. Под преувеличенные восторги толпы слуг у него от стыда покраснели кончики ушей.

Даже не оборачиваясь, стоило ему лишь ощутить на себе восторженные и благодарные взгляды слуг, как Ли Циньши почувствовал глухую боль во всем теле.

С тех пор как он попал в этот тренировочный план, Ли Циньши переживал подобное уже бесчисленное количество раз. Но сколько бы ни проходило времени, он никак не мог привыкнуть, и каждый раз его бросало в краску от безумных и напыщенных речей этих фанатиков.

Так жить дальше просто невозможно...

Бросив косой взгляд на озеро, усеянное белыми рыбьими брюхами, Ли Циньши наконец почувствовал, как рассеивается сдерживаемое доселе раздражение.

Стоило ему провести в этом мире всего несколько дней, как Ли Циньши уже казалось, будто здешние обитатели готовы довести его до безумия! Мало того, что его образ постоянно приукрашивали на все лады, так еще и какой-то порочный садист взял его на мушку, не давая покоя ни днем, ни ночью.

К счастью, у Ли Циньши было крепкое сердце: дав волю эмоциям и выпустив пар, он быстро пришел в себя.

В этом мире он занимал положение старшего законнорожденного сына в Резиденция канцлера, и хотя ему еще не исполнилось двадцати лет, он уже слыл сильнейшим мастером государства Хуа. Семья его была весьма простой: помимо родителей, имелись две наложницы отца и младший единокровный брат.

Что же до того, почему он оказался здесь... во всем был виноват тот самый мужчина, что сейчас сверлил его жгучим взглядом!

Под этим пристальным вниманием Ли Циньши чувствовал, будто его спина того и гляди

воспламенится. Обернувшись и посмотрев в ту сторону, он невольно высвободил ауру, которая начала стремительно нарастать.

Это был мужчина в длинных одеждах цвета темного дерева. Его выдающаяся, необычайно утонченная внешность казалась слегка зловещей из-за небрежно изогнувшихся губ. Вопреки образу ученого мужа, лишенного всякой защиты, он неизменно носил с собой складной веер, который, казалось, лишь сдерживал исходивший от него мрачный и угрюмый дух.

На такого мужчину кто ни посмотри — непременно восхитится его прекрасным обликом!

Вот только, сколь бы красив ни был этот мужчина, он представлял смертельную опасность. Ощувив давление со стороны Ли Циньи, этот мнимый красавец и истинный безумец Ван Цзинь не только не отступил, но принялся разглядывать его с еще большей наглостью.

[Система, неужели я действительно не могу сменить мир?!] — в сто восемьдесят первый раз мысленно завопил Ли Циньи.

Увы, ответ неизменно оставался прежним:

[Приказ недействителен. В настоящее время пользователь находится в группе для стажеров и не имеет прав на смену мира. Пожалуйста, продолжайте усердно трудиться.]

Ледяной механический голос системы разрушил последние надежды Ли Циньи.

Что ж, разумеется, не стоило рассчитывать на человечность Управление по перемещениям, которое силой заставило его подписать трудовой контракт. Кое-каких вещей все же придется добиваться собственными силами, — с досадой подумал Ли Циньи.

Будучи отличником, окончившим экономический факультет университета, Ли Циньи и помыслить не мог, что однажды ему придется отрабатывать долги каторжным трудом, да к тому же расплачиваться за преступления собственного папаша-беглеца перед Управлением по перемещениям. Не спрашивайте его, откуда у Управления по перемещениям взялись азартные игры — он и сам этого не знал!

Ладно, долг так долг, но почему первая же целевая задача выпала на столь ненормального персонажа...

[Остается лишь попытаться выполнить задание и поскорее перейти в штатные сотрудники. Хорошо хоть это всего лишь тренировочный план, и здесь нет никаких побочных квестов], — утешал себя мысленно Ли Циньи.

Поскольку задание относилось к базовому периоду стажировки, от Ли Циньи требовалось лишь одно — разрушить пару.

Будучи для Ван Цзинь незапятнанной белой луной в сердце, Ли Циньи находил это довольно простым. Хотя сам этот статус вызывал у него жгучий стыд, нельзя было отрицать: обладая им, подступиться к главному герою станет гораздо проще. Желая поскорее расплатиться с долгами, Ли Циньи через силу взбодрился и решил еще раз тщательно перечитать оригинальный текст.

Сама основа этого мира представляла собой роман из базы данных, рассказывающий о перипетиях любви и ненависти между главным героем-активом Ваном Цзинем и главным героем-пассивом Ли Чэнъе. Ли Чэнъе приходился сводным младшим братом Ли Циньи: он появился на свет благодаря тому, что служанка из Резиденции канцлера пробралась в постель

к Господину Ли, когда тот был пьян. До шестнадцати лет Ли Чэнъе был совершенно незаметной фигурой в Резиденции канцлера. Лишь после того, как в день его шестнадцатилетия на него положил глаз Ван Цзинь, Третий принц, силой забравший юношу в свой особняк на роль замены его старшему брату Ли Циньни, о нем постепенно заговорили в высшем обществе.

Позже произошло немало событий. Пройдя через череду болезненных страстей и терзаний, Ли Чэнъе и Ван Цзинь в конце концов обрели друг друга, и влюбленные соединились узами брака. Ли Чэнъе же вошел в историю государства Хуа как первая в истории императрица-мужчина.

Даже несмотря на то, что с самого детства он терпел равнодушие и жестокое обращение со стороны слуг, в конце концов он сумел покорить Ван Цзиня собственным обаянием, с блеском развернув свою судьбу и превратившись из презренного пасынка в фаворита. Если бы дело ограничивалось только этим, Ли Циньни просто воспринял бы всё как обыкновенный любовный роман. Но беда в том, что поступки, совершённые Ли Чэнъе впоследствии, перешли все границы дозволенного и заставили Ли Циньни возненавидеть его смертной казнью.

Став первой в истории императрицей-мужчиной, Ли Чэнъе добился всеобщего уважения, а его жизнь, прежде скромная, изменилась до неузнаваемости и стала невероятно роскошной. В дальнейшем, проявив выдающийся ум, он расправился со всей Резиденцией канцлера и навсегда стер образ старшего брата белого лунного света из сердца Ван Цзиня, который к тому моменту уже вззошел на престол.

В этом романе Ли Циньни едва ли появлялся на страницах пару раз, прежде чем его персонажа окончательно и бесславно слили. В книге о нем упоминалось лишь вскользь одной фразой: «Лицом прекрасен как Пань-ань, нровом высок и чист, любит странствовать».

Единственное же прямое описание сцены с его участием произошло тогда, когда подручные Ли Чэнъе схватили его, обезобразили ему лицо, а затем бросили наэшафот, где он принял казнь вместе с родителями-супругами из Резиденции канцлера.

В общем и целом, уготованная Ли Циньни роль была не просто ролью белого лунного света в сердце Ван Цзиня, а ролью белого лунного света с ужасным и трагичным будущим.

Оба главных героя стояли друг друга: один был подлецом, другой — ничтожеством. Если бы только была возможность, Ли Циньни действительно предпочл бы не иметь с ними ничего общего. Жаль только, Ли Циньни переместился немного поздно. Будь это хотя бы на полмесяца раньше, Ли Циньни изо всех сил старался бы избежать этой горной прогулки, в которой к нему прицепился Ван Цзинь, — пусть даже дома отец заставил бы его просидеть взаперти полгода!

Хотя Ли Циньни и считал систему не слишком надежной, фарш было уже не прокрутить назад, оставалось лишь смотреть в лицо реальности.

Столкнувшись с хищным взглядом Ван Цзиня, Ли Циньни слегка поморщился, сдерживая раздражение, и процедил:

— Прошу Ван Цзиня соблюдать приличия. паяльаться на других — явно не поступок благородного

мужа.

Но Ван Цзинь Цинь совершенно проигнорировал, лишь пуще прежнего перешел к наглым действиям:

— О? А когда это я говорил, что я благородный муж?

Время для перемещения было выбрано неверно: то событие, что должно было изменить отношение Ван Цзиня и сделать Ли Цинь его заветной недостижимой мечтой, еще не произошло. А потому для нынешнего Ван Цзиня Ли Цинь был всего лишь сыном канцлера, чья внешность пришлась ему по вкусу. И пусть власть Канцлера Ли простиралась до небес, для члена императорской семьи это не имело никакого значения.

Ли Цинь обладал безупречной внешностью, ладной фигурой и утонченным темпераментом, а других достойных внимания фаворитов в окружении Ван Цзиня не водилось. По этой причине Ли Цинь, к его великому несчастью, угодил в текущие охотничьи планы Ван Цзиня.

Ли Цинь прекрасно понимал свое нынешнее положение, а потому не стал больше препираться с Ван Цзинем, а напрямую применил навык легких шагов и отыскал местечко, скрытое от его глаз, решив немного передохнуть.

Если прикинуть время, то внезапное землетрясение должно было начаться с минуты на минуту. Стоило лишь по сюжету спасти Ван Цзиня и пройти с ним через выпавшие на его долю испытания, как сердце Ван Цзиня можно было считать практически завоеванным.

Уж тогда я его как следует помучаю за все унижения, что мне пришлось вытерпеть в эти дни!
— свирепо проклинал про себя Ли Цинь.

Иногда наговор действительно сбывается — как это случилось сейчас с Ли Цинь.

Сначала послышалось лишь легкое подрагивание мелких камешков, но вскоре частота толчков резко возросла, и земля заходила ходуном.

Ли Цинь резко поднял голову и широко раскрытыми глазами уставился в сторону Ван Цзиня.

И правда началось землетрясение!

<http://bllate.org/book/22152/2307598>